

ПОДАГОЛОВКОМ этой статьи могло бы быть: «Как готовили постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Эта печально известная резолюция ЦК ВКП(б), ставшая в 1946 году сигналом к новым гонениям на интеллигенцию, в наши дни воспринимается как символ сталинской политической цензуры, административно-погромного вмешательства в творчество художника. А потому и составляется наконец — более чем через сорок лет — отмена этого постановления была необходима не столько для восстановления доброго имени М. Зощенко и А. Ахматовой — они в этом не нуждались, — сколько во имя готовности разорвать с преступным прошлым, утвердить новые формы сосуществования художника и власти. Фактически постановление, принятое в 1946 году, сталинское руководство готовило несколько лет. Уже в конце 1943 года в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) была составлена докладная записка, в которой начальник Управления Г. Александров, его заместитель А. Пузин и заведующий отделом художественной литературы А. Егolini информировали секретаря ЦК ВКП(б) Г. Маленкова и А. Щербакова о «грубых политических ошибках» журналов «Октябрь», «Знамя» и «Новый мир». В докладной громилась стихотворения И. Сельвинского, пьеса В. Катаева «Синий платочек», повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», повесть А. Довженко «Победа», рассказ А. Платонова «Оборона Семидворья», рассказ П. Лукницкого «Сила победы», В. Лавренева «Старуха», очерки Ф. Панферова «Люди Урала», рассказ Ю. Слезкина «Старик», повесть А. Письменного «Край земли», напечатанные на страницах «Октября», «Знамени», «Нового мира».

Особо тщательному критическому анализу подверглись произведения Сельвинского, Зощенко, Довженко, Платонова, Лавренева. О творчестве Зощенко, в частности, говорилось: «В журнале «Октябрь» (№ 6—7 и № 8—9 за 1943 г.) опубликована пошлая, антихудожественная и политически вредная повесть Зощенко «Перед восходом солнца». Повесть Зощенко чужда чувствам и мыслям нашего народа... Вся повесть Зощенко является клеветой на наш народ, опозорением его чувств и его жизни...»

Завершалась докладная многообещающе грозно: «Президиум Союза советских писателей, органы которого являются литературно-художественными журналами, совершенно не руководит их работой... Несмотря на неоднократные указания ЦК ВКП(б) о необходимости коренного улучшения постановки литературной критики, со стороны Президиума и лично тов. Фадеева не были приняты меры к повышению роли и значения литературной критики. Литературно-критические выступления тов. Фадеева на совещаниях писателей малосодержательны, абстрактны и нередко ошибочны... За последние годы ЦК ВКП(б) неоднократно давал прямые указания писателям об улучшении работы литературно-художественных журналов. Однако Президиум ССП и лично т. Фадеев не сделали для себя необходимых выводов из этих указаний, не ведут воспитательной работы среди писателей и не оказывают никакого влияния на их творческую работу... Управление пропаганды считает необходимым принять специальное решение ЦК ВКП(б) о литературно-художественных журналах».

Так в 1943 году была высказана идея о постановлении ЦК, реализованная в 1946 году. Пока же непосредственным итогом докладной Александрова, Пузина и Егolini было принятое в декабре 1943 года постановление Президиума ССП «О журнале «Октябрь» за 1943 год и освобождение в феврале 1944 года А. Фадеева от должности председателя правления ССП. В это постановление были послушно включены основные формулировки докладной Управления пропаганды, в том числе и о Зощенко: «...пошлая, антихудожественная повесть М. Зощенко «Перед восходом солнца», претендующая на якобы «научный» изыскания, на деле уводит читателя в область убогих, мелких обывательских переживаний, далеких от жизни советского народа, в особенности в дни войны. Считать грубой ошибкой журнала напечатание вредной повести Зощенко».

Еще до принятия этого постановления Зощенко, видимо, почувствовал, что встал в немилость. Приехав в Москву, он 26 ноября 1943 года написал Сталину письмо-объяснение по поводу первой части повести «Перед восходом солнца». «Это антифашистская книга», — убеждал Зощенко вояду. «Она написана в защиту разума... Книга моя, доказывающая мощью здравого разума и его торжество над низшими силами, нужна в наши дни. Она может быть нужна и советской науке. Ради научной темы я позволил себе писать, быть может, более откровенно, чем обычно принято. Но это было необходимо для моих доказательств. Мне думается, что эта моя откровенность только усилила сатирическую сторону — книга осмеивает лживость, пошлость, безнравственность».

Через полтора месяца — 8 января 1944 года, — убедившись в отсутствии каких-либо попыток разорвать в его деле, Зощенко отправляет заявление на имя А. Щербакова. Если в письме к Сталину он просит «ознакомиться с... работой» и «дать распоряжение» проверить «более обстоятельно... проверить ее целиком», то в заявлении Щербакову уже более отчетливо звучат ноты раскаяния: «Я глубоко удручен неудачей и тем, что мой опыт произвел несвоевременно... Сердечно прошу простить меня за оплошность — она была вызвана весьма трудной задачей, каковая, видимо, была мне не под силу». На этот раз адресат — секретарь ЦК по идеологии А. Щербаков был ознакомлен с содержанием письма. В левом верхнем углу заявления сохранилась пометка: «т. Щербаков ознакомлен. 13.1.» (подписи неразборчивы). Тут же ниже другая: «Архив 20.1.» И еще одна резолюция, важная для понимания опубликованного в журнале «Коммунист» (№ 13, 1990 г.)

нимания последующих действий Управления пропаганды и агитации: «Приложить к всем материалам» (книге Зощенко). И так, уже в 1943 году на Зощенко собирался обвинительный материал.

Пока писатель, надеясь на понимание, ждал ответа на свое заявление, события принимали все более угрожающий характер. На стол секретаря Ленинградского горкома партии по пропаганде и агитации А. Маханова лег первый вариант отклика разгневанных читателей: инженера В. Горшкова, рабочего-слесаря Г. Ваулина, учительницы Л. Рутковской и инженера П. Большакова «О вредной повести». Сейчас уже невозможно установить, стояли ли за этими именами реальные люди, а если и стояли, то писали или просто подписывали подготовленный текст. Маханов же обратился за советом к Жданову: «Товарищу Жданову А. А. Направляю Вам статью «О вредной повести», написанную группой читателей. Статья выражает возмущение и протест против повести Зощенко «Перед восходом солнца». Прошу разрешить опубликование статьи в газете «Ленинградская правда», 11.1.44 г. А. Маханов». Адресат отреагировал так: «1. Лучше сказать: Об одной вредной повести. 2. Лучше было бы сократить

раздел по защите наших великих писателей от обвинений их в отсутствии патриотизма и любви к Родине, т. к. к ним такое обвинение не пристает, с тем, чтобы еще усилить нападение на Зощенко, которого нужно расклевывать, чтобы от него мокрого места не осталось. 3. Это должно пойти не в «Ленинградскую правду», а в «Правду». Жданов».

Учтя эти замечания, Маханов направил Жданову новый вариант статьи. На этот раз текст удовлетворил секретаря ЦК, и он снял только указание профессор авторам, заменив их припиской: «Ленинградские рядовые читатели». Со статьей был ознакомлен также Г. Александров. И вскоре она появилась во втором январском номере журнала «Большевик». Отклик был написан в лучших традициях разгромной критики и в ряде формулировок предвосхищал принятое через два года постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград». «Это грязный левек в лицо нашему читателю... Зощенко искал заплывающего обывателя... Герои его произведений — это пакостины... Пошлое и вредное произведение... такими формулировками пестрело сочинение «Ленинградских рядовых читателей».

В начале февраля 1944 года в Москве состоялся девятый расширенный пленум ССП СССР. Избранным на нем новым председателем правления поэт Н. Тихонов выступил с докладом «Советская литература в дни Отечественной войны». Автор «вредных произведений», подвергшихся критике в этом докладе, было трое: Н. Асеев, М. Зощенко и И. Сельвинский. Каждому из них, как говорится, досталось, но нужно отдать должное Тихонову: критика была сравнительно мягкой. Наступило то, что избранный на этом же пленуме оргсекретарем правления ССП И. Поников послеполном доложил Щербакову: «Докладчик пленума на понимание участников пленума на понимание вредных явлений в литературе... Клеветнические стихи Асеева и Сельвинского не получили острой политической оценки. Иначе выглядело выступление Г. Александрова. Под занавес, не услышав ожидаемого осуждения, он ввязался в это дело сам. На Зощенко, пожалуй, было выдано больше всего грязи. Александров вновь объявил его писателем, изображающим только развратников, жуликов и шарлатанов. И все же среди участников заседания не нашлось ни одного, открыто поддержавшего этот погром. А Л. Сейфуллина, не первый раз выручавшая своих коллег, попавших в беду, даже попыталась оправдать и защитить Зощенко. Правда, некоторое время спустя в 3-м и 4-м номерах журнала «Большевик» была опубликована статья Н. Тихонова «Отечественная война и советская литература», содержавшая более жесткие и категорические оценки творчества Зощенко.

Некоторые представления о том, что произошло за время между писательским пленумом и публикацией статьи в «Большевике», и о том, что заставило данного приятеля Зощенко Тихонова столь быстро изменить свою позицию, дает запись беседы с Зощенко в Управлении МГБ по Ленинградской области. Писателя вызвали туда 20 июля 1944 года. Тридцать один вопрос и столько же ответов было, видимо, записано на магнитофон, а затем перепечатаны. Был среди вопросов и такой: «Как оценивает Вашу повесть Тихонов?» Зощенко ответил: «Он хвалил ее. Потом на заседании Президиума объяснил мне, что повесть «приказано» ругать, и ругал, но ругал не очень зло. Потом, когда стенограмма была напечатана в «Большевике», я удивился, увидев, что Тихонов меня так жестоко критикует. Я стал спрашивать его, чем вызвана эта «перемена фронта»? Тихонов стал извиняться, сбивчиво объясняя, что от него потребовали усилить критику, «приказали» жестоко критиковать, и он был вынужден критиковать, исполняя приказ, хотя с ним и не согласен».

Беседа в ленинградском Управле-

нии МГБ свидетельствовала о том, что Зощенко в полной мере осознавал замыслы организаторов травли. Отвечая на вопросы о причинах «выступлений против... повести «Перед восходом солнца», Зощенко заявил прямо, что критика повести — не что иное, как «попытка повалить» его «вообще, как писателя». А услышав следующий вопрос: «Кто был заинтересован в этом? Ваши литературные враги?» — он сразу попал в точку: «Нет, тут речь могла идти о соответствующих настроениях «вверху». Чем были вызваны эти антизощенковские «настроения вверху», писатель тоже в полной мере продемонстрировал сочувствием МГБ, позволив себе и в их присутствии политически малоудержанные высказывания. «Вскоре, после войны», — говорил он, — литературная обстановка изменится, и все притястия, поставленные мне, падут. Тогда я буду снова печататься. Пока же я ни в чем не изменю, буду стоять на своих позициях...»

Вопрос. Как вы оцениваете общее состояние нашей литературы?

Ответ. Я считаю, что литература советская сейчас представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишу даже способные писатели.

Вопрос. Как вы расцениваете партийное руководство литературой?

Ответ. Руководить промышленностью и железнодорожным транспортом легче, чем искусством. Нет зачатую у руководителей глубокого понимания задач искусства...
Вопрос. Предполагаете ли вы, что после войны изменится политическая обстановка в литературе?

Ответ. Да. Литература будет предложено злей и беспощадней писать о наших недостатках...
Возвратившись в Ленинград Зощенко, казалось бы, мог успокоиться: критика в печати почти никак не сказалась на его положении в писательской организации. И действительно, он попрежнему член правления ССП СССР и его Ленинградского отделения. Его печатают. Ревиз в тот момент изменить своему сатирическому дарованию и заняться «созданием положительных типов», Зощенко начинает писать большую книгу о партизанах. Работа не задалась. И хотя в то же время он создает цикл рассказов о войне, тяга к сатире не отпускает, и Зощенко с головой уходит в работу над комедиями. За относительно небольшой срок он написал для ленинградских театров две пьесы — «Парусиный портфель» и «Очень приятно». Третья комедия-водевиль «Пусть неудачник плачет» не была принята к постановке и не публиковалась. Одновременно Зощенко пишет сатирические рассказы, в большинстве случаев — для детей, фельетоны. В 1945 году «Известия» поместили пять новых работ писателя. В 1946 году библиотека журнала «Огонек» печатает еще один сборник рассказов Зощенко.

Однако за фасадом этого относительно благополучия «дело Зощенко» продолжало разрастаться. Задним числом к материалам, собранным против писателя, была приложена его автобиография, написанная в 1939 году, а также личная картонка-анкета члена ССП, подписанная Зощенко в 1945 году. В деле появлялись также небольшие справки о литературном объединении «Серапионовы братья» и, как показали дальнейшие события, появились не случайно. Жданов в известных докладах 1946 года достало много места уделить оценке деятельности Зощенко в этом «чуждом советской литературе» объединении. Был поднят к «делу» и материал, подготовленный Егoliniным. В нем сообщалось о приятельских отношениях Зощенко с ленинградскими писателями Саяновым, Прокофьевым, Слонимским, Наверным и Никитиным. Утверждалось, что рассказы Зощенко о войне «по своему содержанию также страдали целым рядом политических ошибок. В этих рассказах автор и герой относились слишком либерально к немцам, развивали чрезвычайно слабую ненависть к немцам со стороны русских людей».

В общем, судьба Зощенко была предрешена. И сталинские идеологи лишь ждали то ли повода, то ли сигнала для расправы. Как бы то ни было, главным объектом разносной критики избрали рассказ «Приключения обезьяны».

Этот небольшой рассказ для детей был опубликован еще в 1945 году в журнале «Мурилки». Полгода спустя его перепечатали в «Звезде» в рубрике «Новинки детской литературы». Как утверждала жена писателя В. Зощенко, произошло это «без ведома автора — его просто перепечатали из «Мурилки» по почину Прокофьева и Саянова. Об этом он узнал уже после свершения факта и был этим весьма недоволен, так как сам никогда бы не дал такой пустякий, шуточный рассказ, к тому же написанный полтора года назад, в серьезный журнал». Предположить, что этот уже опубликованный рассказ для детей может быть расценен Ждановым как «наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном творчестве Зощенко», не мог, конечно, сам писатель, ни его друзья, спо-

собовавшие публикации. Однако помощники Сталина торопились и поэтому уже не заботились о форме обвинений. Им был нужен повод, и они его изобрели.

9 августа 1946 года на рассмотрение Оргбюро ЦК ВКП(б) был вынесен вопрос о журналах «Звезда» и «Ленинград». Не боясь преувеличения, можно сказать, что Сталин придавал ему исключительное значение. Не случайно, впервые за последние десять лет, он решил лично участвовать в заседании Оргбюро. Кроме него, в зале присутствовали Г. Александров, Н. Булганин, А. Жданов, А. Кузнецов, Г. Маленков, Л. Мехлис, М. Сулов и другие — всего 25 членов Политбюро, Оргбюро, идеологических руководителей. Были приглашены и некоторые писатели: Вишневский, Капца, Лихарев, Прокофьев, Саянов, Тихонов, Фадеев.

Начало выступления главного редактора журнала «Звезда» Саянова прервал Сталин: «Этот ваш журнал для детей издается? — А почему в детский журнал не поместили?» И продолжил: «У вас требовательности элементарной нет. Это же пустяковая штука, ни уму, ни сердцу ничего не дающая. Какой-то базарный, балаганский анекдот. Непонятно, почему,

винградского театра «Комедия» в сентябре 1941 года»).

Единственным писателем, выступившим на заседании Оргбюро в унисон со Сталиным, был Вишневский, в то время главный редактор «Знамени». «Человек этот начал писать в 1923—1924 годах», — говорил он о Зощенко. — У него везде персонажами являются пьяные, калеки, инвалиды, везде драки, шум. И вот видите его последний рассказ «Приключения обезьяны», возьмите и сделайте анализ его. Вы увидите, что опять инвалиды, опять пьяные, опять скандалы».

Сталин: И баня.

Вишневский: Баня, совершенно правильно. У него получается так. Вот вы меня критикуете, и вот получаете, уважаемые...
Вместе с тем Вишневский, как и другие писатели — Саянов, Лихарев, Тихонов, просил оставить Ленинграду второй журнал. Однако воля вождя была непреклонной.

Две недели спустя после заседания Оргбюро появилось в печати постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Прежде чем оно было принято на Оргбюро 14 августа путем вопроса, текст его непрерывно дорабатывался в Управ-

лении пропаганды. Один из вариантов проекта, подготовленный Г. Александровым и А. Егoliniным, разослал Жданову, Маленкову, Кузнецову, Патолочеву и Попову. На своем экземпляре Жданов сформулировал следующую директиву по переработке проекта: «1. Журналы не могут быть аполитичными, в каждом художественном произведении должна быть политика. 2. Покончить с приятельскими отношениями, которые являются результатами аполитичности, отсюда гниль, все это идет за счет интересов государства. 3. О разрыве приятельских и саморитичности. 4. Цель журнала — правильное воспитание молодежи; «Обеспечить проведение политической линии»; «Журнал не только не воздерживался от писателей в нужном направлении, но сам в значительной мере очутился в идеологическом плену».

Наряду с разномом произведений Зощенко и Ахматовой в этом проекте говорилось и о других «идейно-порочных» произведениях: Варшавского и Реста «Случай над Берлином», Слонимского «На заставе», Сельвинского «Севастополь», статье Хмельницкой «Английский военный роман», несомненной, по мнению авторов, с «социалистическим мировоззрением». Данный вариант постановления указывал и на другой «крупный недостаток» журнала «Звезда» — заположение его малохудожественными пьесами и рассказами — «Дорога времени» Яндфельда, «Лебединое озеро» Штейна, «Мир» и «Побег» Острова, а также стихами Садюфьева и Комиссаровой, проникнутыми «тоской, пессимизмом, разочарованием в жизни».

В следующем варианте проекта в списке вышперечисленных «идейно-порочных произведений» изменений не произошло. Что касается указаний Жданова, то они были реализованы полностью и имели следующий вид: «Не умея подойти к оценке произведений писателей политически, не строя своей работы на основе большевистской критики, редакции журналов «Звезда»... и «Ленинград»... в своей деятельности исходили из «приятельских отношений» с литераторами, не желали «обидеть» писателей, «испортив» с ними отношения. Редакции журналов не только не отключили, не браковали негодные произведения, но охотно публиковали их, нанося тем самым серьезный ущерб делу воспитания молодежи, интересам государства и народа».

В окончательной редакции постановления эти формулировки претерпели изменения, хотя суть их осталась прежней. Некоторые изменения были внесены также в список произведений и литераторов, подвергшихся осуждению. Так, из него исчезло упоминание «особоичного произведения» Сельвинского «Севастополь», рассказов Острова и статьи Хмельницкой. Зато увеличилось количество пунктов постановления. Если в первом варианте (до заседания Оргбюро) их было восемь, то в седьмом — тринадцать. Обнародованы были первые четыре пункта, в которых осуждалась работа журналов, клеветались Ахматова и Зощенко, объявлялось о ликвидации «Ленинграда» и назначении нового руководства в журнал «Звезда». В заключительной же части постановления излагались «орывыводы». Секретариату ЦК поручалось «рассмотреть и утвердить состав редакторов отделов и редакций журналов «Звезда», отметить решение Ленинградского горкома о составе редколлегии «Звезды», в которую был включен и Зощенко, а за принятие этого решения объявлялся выговор секретарю горкома Я. Капустину. Со своего поста был снят секретарь Ленинградского горкома по пропаганде И. Широков. В восьмом пункте постановления говорилось о возложении партруководства журналом и идейно-политиче-

ской работы среди писателей на первого секретаря Ленинградского горкома и горкома П. Попкова. Затем объявлялся выговор Лихареву «за плохое руководство журналом «Ленинград», и было сформулировано требование об «обеспечении своевременного выхода» журнала «Звезда» и «улучшении его внешнего вида». Контроль за исполнением настоящего постановления возлагался на Управление пропаганды ЦК, лично на Александрова. И через три месяца намечалось заслушать на Оргбюро ЦК отчет главного редактора «Звезды» о выполнении постановления. В специальный пункт было выделено решение «командировать т. Жданова в Ленинград для разъяснения настоящего постановления ЦК ВКП(б)».

Новым главным редактором «Звезды» был назначен А. Егolini. Причем одновременно он сохранил должность заместителя начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б). Вопрос о новом редакторе на заседании Оргбюро 9 августа первоначально вызвал оживленные споры. П. Попков предложил кандидатуру писателя Прокофьева. Но ее отклонили. Не устраивал и Саянов, который, дескать, «мало обладает организаторскими способностями, мало представляет требований к писателям». И Широков выдвинул на пост редактора писателя П. Капусту. Его отвел сам Сталин: «Может быть, подошли так, что слабо бояться нечего. В старое время царем сажали чужака, слабого человека, чтобы легче было нажимать на него». После других реплик и вопросов Сталина, Маленкова и Жданова Широков покаялся: «Судя по тому, как вопрос ставится в ЦК, по-видимому, редактором «Звезды» надо утвердить более серьезного человека, которого не только в Ленинграде, но и в стране знают. Капусту знают в Ленинграде, но страна не знает». Спорить не приходилось. Действительно, все литераторы хорошо знали А. Егolini, ведавшего в течение нескольких лет в ЦК вопросами художественной литературы.

Дальнейшие события достаточно хорошо известны. 15 и 16 августа с докладами, посвященными постановлению ЦК ВКП(б), выступил Жданов. Писательские собрания по всей стране («идеологично») поддержали решение ЦК. Подомно пошли статьи, обличившие вдруг обнаружившиеся в большом количестве «аполитичные» произведения.

27 августа 1946 года Зощенко написал Сталину. Попав к Поскребышеву, письмо было переправлено Жданову. Судя по пометке на письме, с ним были ознакомлены «вручегую» А. Кузнецов, Н. Патолочев, Г. Попов, Г. Александров. Писатель пытался переубедить вождя. «Я никогда не был антисоветским человеком, — доказывал Зощенко, — в 1918 году я добровольцем пошел в ряды Красной Армии и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск... Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с горячим желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеению в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью». О злополучном рассказе «Приключения обезьяны» Зощенко писал: «Этот маленький шуточный рассказ... был написан в начале 45-го года для детского журнала «Мурилки». И там же он и был напечатан. В этом моем рассказе нет никакого зловещего языка и нет никакого подтекста. Это лишь потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла». Разумеется, понимая у Сталина Зощенко не нашел. И тогда 10 октября 1946 года он решил написать, как теперь известно, последнее письмо в ЦК на имя Жданова. «Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни... Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя... Я не могу и не хочу быть в лагере реакции», — писал Зощенко и вновь доказывал, что он — не тот, кем объявлен, подбирая новые аргументы, пытаясь обратиться к здравому смыслу руководства:

«1. А. М. Горький писал мне (13 октября 1930 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, да и для множества грамотных людей бесспорно, так же, как беспорна и его социальная педагогика».

2. У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость».

3. В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Союз писателей, представлял меня и награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей».

4. Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал) и массовые журналы моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется... Мне очень трудно определить в чем же именно заключаются мои ошибки. Вместе с просьбой «дать... возможность работать для советского народа» Зощенко в конце письма повторил: «Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни брали».

Однако слова эти уже ни в чем не могли убедить руководителей страны. Зощенко, как писал В. Каверин, «надоело, на годы, для примера был приязан на площади позорному столбу и публично оплеван».

В октябре 1947 года, когда немногочисленно волна, поднятая постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград», секретарь Ленинградского горкома П. Попков обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой увеличить объем журнала «Звезда». Ходатайство поддержали секретари ЦК А. Кузнецов и М. Сулов. На имя Сталина было направлено письмо. В нем особо подчеркивалось, что через год с лишним после постановления «редакция располагает достаточным количеством интересных и содержательных литературных материалов». Речь шла прежде всего о романах Ю. Германа, В. Пановой, В. Саянова и других. Бумага легла на сталинский стол. И размахистая карандашная резолюция буквально прорвала лист: «Против. И. Сталин».

ХУДОЖНИК И ВЛАСТЬ

«ПОВЕСТЬ ПРИКАЗАНО РУГАТЬ...»

Денис Бабиченко

«ПОВЕСТЬ ПРИКАЗАНО РУГАТЬ...»

Политическая цензура против Михаила Зощенко

Статья опубликована в журнале «Коммунист» (№ 13, 1990 г.)